

УДК 94(470)«18»+378.025.3(09)
ББК ТЗ(2)5-7

«МАССА БЫЛА УВЛЕЧЕНА И НЕИСТОВО РУКОПЛЕСКАЛА»: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ СТУДЕНТОВ В XIX ВЕКЕ

А.Н. Сперанская

В статье рассматриваются эмоциональные реакции студентов в университетском образовательном пространстве. На материале воспоминаний и дневников бывших студентов выявлены эмоциональные реакции в университетском пространстве, показано закрепление в XIX в. практики награждения аплодисментами или освистывания профессоров.

Ключевые слова: история, эмоции, студенческая корпорация, высшее образование, XIX век.

В настоящее время одним из направлений в истории эмоций является подход, при котором учитывается универсальный характер эмоций и их культурная и социальная обусловленность [5, с. 20]. В рамках этого подхода попытаемся рассмотреть особенности переживания и выражения некоторых эмоциональных реакций студентов в университетах XIX века в процессе обучения.

XIX век в России – время формирования университетской системы, складывания профессорской и студенческой корпорации, норм университетской культуры. Национальной спецификой было постоянное стремление правительства вписать университеты в административно-бюрократическую систему, вмешиваясь в учебный и научный процесс. Правительство стремилось также регламентировать отношения между профессорами и студентами. Правила поведения подробно прописывались в официальных документах: уставах университетов, многочисленных инструкциях и постановлениях Министерства народного просвещения. Формирующиеся «сверху» нормы университетской этики предписывали студентам уважительное отношение к профессорам и полное повиновение. В стенах учебной аудитории идеалом считалась полная тишина, порядок, «благочиние». Приветствие и прощание с профессором должно быть нейтрально-корректным и почтительным. Студенты обязаны были проявлять сдержанность и в стенах аудитории и за ее пределами. Однако поведенческие практики студентов «снизу» постепенно вносят в эти правила определенные коррективы.

В мемуарной литературе XIX века обращает на себя внимание описание сильных впечатлений, которые испытывали студенты во время лекций некоторых профессоров. В палитре чувств большое место занимают положительные эмоции. Так, например, Нил Попов вспоминает, что лекции

Н.И. Надеждина «поражали, восхищали, изумляли» всех слушателей [7, с. 142]. О чувстве «восторга», испытываемом на лекциях также пишет М.А. Дмитриев, а Б.А. Щетинин о «необычайном энтузиазме» на лекциях А.И. Чупрова [10, с. 540]. Яркое описание студенческой аудитории оставил Б.Н. Чичерин: «Когда Грановский обращался к слушателям с сердечным словом, не было возможности оставаться равнодушным; вся аудитория увлекалась неудержимым восторгом» [9, с. 388]. Одной из невербальных форм, в которой проявлялись переживаемые эмоции, в этот период становятся аплодисменты.

«Неистовыми рукоплесканиями», «овациями», «неумолкающими аплодисментами» студенты встречали профессоров перед лекцией или провожали. Так зачастую на занятиях П.Г. Редкина по воспоминаниям Б.Н. Чичерина «масса была увлечена и неистово рукоплескала» [9, с. 380]. «...Лекции Петра Григорьевича Редкина ... до такой степени возбуждали нас, что, несмотря на запрещение, молодежь рукоплескала профессору, когда он оканчивал свою лекцию», – пишет Я.П. Полонский [6, с. 246]. Воспоминания Б.А. Щетинина описывают студенческую аудиторию во время лекции А.И. Чупрова также в состоянии сильного возбуждения: «Все дружно кинулись к кафедре, неистово аплодируя и крича, у большинства возбужденно блестели глаза, ярко горели щеки» [10, с. 540].

Подобное импульсивное поведение с одной стороны обусловлено особенностью юношеской психологии, которой свойственно повышенная эмоциональная сензитивность. С другой стороны, первые упоминания об аплодисментах появляются в воспоминаниях студентов учившихся в 1830–1840-х гг. Вероятно, свою роль сыграло распространение в этот период публичных лекций, на которых светская публика аплодировала лектору. Появление и закрепление аплодисментов в учебном процессе, могло быть связано и с изменившимися практиками преподавания, обновлением профессорского состава, складыванием новых отношений в университетском сообществе.

Можно выделить несколько ситуаций, которые вызывали аплодисменты. Во-первых, это интересная, содержательная, эмоционально прочитанная лекция. Ораторские способности профессоров, умение найти контакт с аудиторией вызывали немедленный положительный отклик. В качестве примера можно привести деятельность профессора Ковалевского. «Научной эрудицией Ковалевский обладал колоссальною, цитатами так и сыпал, ... уснащал свою речь разными меткими словечками, великолепными метафорами... Он ни разу не спускался с кафедры без дружных аплодисментов всей аудитории» [10, с. 541]. Во-вторых, аплодисментами студенты могли поддерживать профессоров не только за лекторский талант, но и за активную политическую позицию, в первую очередь, за либеральные взгляды. Так, профессор Казанского университета профессор Н.Н. Булич

«к концу лекции доводил свой либерализм до *crescendo*, чтобы заслужить аплодисменты довольной аудитории; редко в течение целого года не выходил из аудитории без этой награды» [8, с. 51].

Наряду с выражением признательности в форме аплодисментов, студенты нередко освистывали или зашикивали нелюбимых преподавателей. Могли, например, бросить в преподавателя оскорбительный «венчик, связанный из губки и тряпья» [1, с. 262]. В некоторых случаях профессор вынужден был прерывать лекцию из-за шума.

Представители власти и руководство университета любые эмоциональные реакции воспринимали негативно, как деструктивный элемент. Для администрации проявление эмоций было не только нарушением дисциплины, субординации, но и нежелательным выражением политической позиции. Так, в 1838 г. Бенкендорф, узнав об орациях в Московском университете на лекции профессора Давыдова, писал: «Дозволение одобрять профессора рукоплесканиями может вести к заключению, что в случае неудовольствия студенты имеют право и освистывать своих наставников, каковое действие конечно ни в коем случае ... не терпимо и могло подать бы повод к крайнему беспорядку» [4, с. 74].

Поэтому любые проявления одобрения или осуждения профессоров студентами были официально запрещены. В постановлении Министерства народного просвещения отмечалось, что студенты не имеют права «публично изъявлять профессорам знаки своего одобрения (посредством рукоплесканий и т.п.) или порицания (шканьем, свистом, выходом из аудиторий и т.п.)» [3, с. 994]. Наказание предусматривало исключение из университета всех, вне зависимости «какое бы ни было число виновных». Профессорам предписывалось пресекать любое демонстративное проявление чувств, «не увлекаясь суетным исканием популярности между студентами, добросовестно исполнять долг свой, и нравственным влиянием на своих слушателей направлять умы их к истинной цели просвещения, в видах общественного порядка и подчиненности установленным властям» [3, с. 994].

На практике же все зависело от конкретной ситуации и действующих лиц. В некоторых случаях либеральное начальство смотрело сквозь пальцы на выражение студенческих эмоций, ограничиваясь выговором. Например, когда студенты Московского университета перед началом лекции освистали профессора Орнатского, то декан ограничился лишь мягким увещанием: «Как вам не стыдно с гиком и свистом встречать профессора» [2, с. 368]. Никаких карательных мер в данной ситуации не последовало. В других случаях администрация могла действовать жестко. Так, в Казанском университете за студенческие аплодисменты на лекциях профессора словесности Н.Н. Булича было исключено девять студентов, а сам преподаватель после долгих разбирательств уволен [8, с. 51].

Тем не менее, не смотря на серьезность наказания, на протяжении всего XIX века студенты продолжали аплодировать или освистывать профессоров, рассматривая это как свое право выражать свое отношение к учебному процессу и лично профессорам.

Библиографический список

1. Афанасьев, А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.): воспоминания / А.Н. Афанасьев // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 249–280.
2. Бестужев-Рюмин, К.Н. Воспоминания: воспоминания / К.Н. Бестужев-Рюмин // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 360–371.
3. Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864 гг. – Санкт-Петербург, 1867. – Стб. 340.
4. Казакова, К.С. Специфика отношений профессоров и студентов в русском университете первой половины XIX века / К.С. Казакова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 2. – С. 72–79.
5. Плампер, Я. Эмоции в русской истории: статья / Я. Плампер // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 11–36.
6. Полонский, Я.П. Мои студенческие воспоминания: воспоминания / Я.П. Полонский // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 242–248.
7. Попов, Н. Н.И. Надеждин на службе в московском университете: воспоминания / Н. Попов // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Статьи. Речи. Письма. Дневники. Воспоминания. – М., 2005. – С. 140–158.
8. Сидорова, М.М. Портреты профессоров русской словесности казанского университета XIX века в зеркале студенческих мнений / М.М. Сидорова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – Кн. 2. – С. 44–54.
9. Чичерин, Б.Н. Москва сороковых годов: воспоминания / Б.Н. Чичерин // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 372–417.
10. Щетинин, Б.А. Первые шаги. (Из недавнего прошлого): воспоминания / Б.А. Щетинин // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 242–248.

[К содержанию](#)